

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.А. Ахтамзян*

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ И ЕГО МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

3 октября 2010 г. исполнилось двадцать лет со дня объединения Германии — одного из самых значимых событий в истории международных отношений XX в., которому суждено было резко изменить геополитическую ситуацию на европейском континенте и приблизить окончательный распад биполярного порядка. Процесс объединения Германии развивался по крайне сложному и неоднозначному сценарию, который был далеко не единственным из возможных. Цель автора статьи — представить собственное видение той дипломатической игры, результатом которой стало объединение Германии, обозначить круг главных действовавших лиц и раскрыть специфику распределения ролей между ними, а также охарактеризовать наиболее важные последствия данного события для системы международных отношений.

Ключевые слова: объединение Германии, германский вопрос, державы-победительницы, «холодная война», распад СССР, расширение НАТО.

On October 3, 2010 the world community celebrated the 20th anniversary of German reunification — one of the most significant events in the history of international relations in the XX century. It redrew the geopolitical map of Europe, and accelerated the eventual dismantlement of the bipolar world order. The process of German reunification was unfolding according to a very complex and ambiguous scenario which was definitely not the only one possible at the time. The author presents the diplomatic game that led to the German reunification. He identifies the main players, explains the particularities of distribution of roles between them and outlines the key implications of this historical event for the international system.

Keywords: German reunification, German question, victorious powers, Cold War, collapse of the Soviet Union, NATO enlargement.

* Ахтамзян Абдулхан Абдурахманович — д.и.н., профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки факультета международных отношений МГИМО (У) МИД РФ, заслуженный деятель науки РФ (e-mail: g.vinogradova@inno.mgimo.ru).

В октябре 2010 г. мировое сообщество отметило очередной крупный юбилей — 20 лет со дня торжественного провозглашения единства немецкой нации, которое состоялось 3 октября 1990 г. одновременно в Берлине и в Бонне и вошло в историю как одно из самых значимых событий международной жизни в XX столетии.

Падение Берлинской стены правильнее было бы назвать не объединением двух германских государств, а присоединением одного государства — Германской Демократической Республики — к другому, более сильному в финансово-экономическом отношении, — Федеративной Республике Германии. С формально-юридической точки зрения это событие произошло в результате двусторонних соглашений и договоров, но со ссылкой на Основной закон ФРГ. Фактически же сами немцы обозначили присоединение Восточной Германии к Западной простым словом «аншлюс». Правда, последний глава правительства ГДР Лотар де Мезьер в одном из интервью, данных по случаю юбилея, обронил фразу «Я объединял Германию!», подчеркнув тем самым воссоединение двух частей одной страны [см: 13, с. 9].

С позиций международного права ссылка на статью 23 Основного закона ФРГ не имела никакого значения. Она служила юридическим обоснованием и оправданием аншлюса. С международно-правовой точки зрения имел значение Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии, выработанный весьма поспешно по формуле «два плюс четыре» (ФРГ, ГДР, СССР, США, Великобритания и Франция) и заключенный в Москве 12 сентября 1990 г. Он провозгласил восстановление немецкого единства и полный суверенитет страны во внутренних и внешних делах, хотя и не был полноценным мирным договором между Германией и державами-победительницами во Второй мировой войне (формально этот договор не заключен до сих пор).

Таким образом, процесс объединения Германии развивался по крайне сложному и неоднозначному сценарию, который был далеко не единственным из возможных. Реконструировать данный сценарий, равно как и оценить историческое значение воссоединения ФРГ и ГДР, можно только ответив на следующие вопросы. Во-первых, как удалось Германии подвести черту под Второй мировой войной без заключения мирного договора в собственном смысле слова? Во-вторых, какие обстоятельства позволили дипломатии ФРГ «без единого выстрела», исключительно мирными средствами решить сложнейшую проблему послевоенного времени — проблему единства нации? В-третьих, какую роль в процессе германского урегулирования сыграли Советский Союз и его руководители? Наконец, в-четвертых, какими оказались краткосрочные и долгосрочные последствия кардинального изменения стратегической ситуации в Европе, вызванного воссоединением ФРГ и ГДР?

В настоящей статье предпринята попытка представить авторское видение той дипломатической игры, результатом которой стало объединение Германии, обозначить круг главных действовавших лиц и раскрыть специфику распределения ролей между ними, а также дать оценку наиболее важным последствиям данного события для системы международных отношений.

* * *

Прежде чем приступить к описанию воплотившегося в жизнь в 1990 г. сценария объединения Германии, необходимо, на наш взгляд, дать краткий обзор тех источников, на основе которых сегодня может быть проведена его реконструкция.

Особое место среди них занимают публикации мемуарного характера, начало которым было положено уже в 1990-е гг., — участники событий не стали выжидать прохождения «исторической дистанции». Первыми вышли в свет в Германии на немецком языке фундаментальные исследовательские и мемуарные труды, подготовленные видными советскими дипломатами В.М. Фалиным и Ю.А. Квицинским, которые обстоятельно изложили свои подходы к решению германской проблемы [22; 27] (в России на русском языке их книги вышли несколько лет спустя) [19; 10]. Затем были опубликованы мемуары М.С. Горбачева и его ближайших соратников, носившие в основном апологетический и оправдательный характер [20; 7]. Ключевое значение для понимания логики объединения Германии, особенно методов германской дипломатии, имеют также воспоминания германских государственных деятелей, в первую очередь Х. Тельчика и Г.Д. Геншера [29; 23].

Названные публикации участников событий с научно-исторической точки зрения относятся к источникам информации. Однако в истории дипломатии несравненно большую ценность имеют официальные документы, которые правительства всех стран, как правило, хранят в закрытых архивах и предают гласности лишь по прошествии определенного времени и по своему усмотрению. Правительство ФРГ, гордясь собственным успехом в деле решения национальной проблемы, передало для опубликования некоторую часть официальных документов по проблеме объединения страны, которые были весьма оперативно подготовлены к печати Ведомством прессы и информации при правительстве ФРГ и изданы в виде отдельного сборника [30; 26].

Советские официальные документы никто публиковать не спешил. Образовавшуюся паузу, продлившуюся в общей сложности полтора десятилетия, частично заполнили публикации «Фонда Горбачева», составленные из служебных бумаг прямых или косвенных участников событий [12; 4]. Эти издания действительно явля-

ются весьма полезными источниками сведений о деятельности М.С. Горбачева и его помощников, однако представленной в них информации далеко не достаточно, чтобы составить цельную картину процесса урегулирования германского вопроса, которая, по нашему мнению, не может быть полной без анализа начальной стадии личной дипломатии М.С. Горбачева, предшествовавшей его приходу к власти в 1985 г. При проведении подобного анализа, на наш взгляд, целесообразно привлечь максимально широкий круг источников, включающий не только официальные документы ЦК КПСС и МИД СССР, но и опубликованные свидетельства председателя Совета министров СССР Н.И. Рыжкова «Трагедия великой страны», сотрудника ЦК КПСС В.И. Болдина [3], а также дневниковые записи президента США Р. Рейгана и мемуары премьер-министра Великобритании М. Тэтчер.

Кроме того, историкам было бы крайне важно ознакомиться с документами, свидетельствующими не только о кулуарном, но и об официальном обсуждении способа решения германского вопроса. Наибольшую ценность в этом контексте могли бы представлять такие документы, как коллективные решения Политбюро ЦК КПСС или Совета министров СССР по германской проблеме, например об отказе от «прав и ответственности четырех держав за Берлин и Германию в целом» или отказе от включения в договор об урегулировании с Германией (хотя бы в протокол) пункта, обязывающего западные державы не расширять НАТО на Восток.

Документы германского правительства в этом отношении отличаются от опубликованных «Фондом Горбачева» материалов не только большей полнотой, но и вполне официальным характером [24]. Западногерманские исследователи начинают обзор внешнеполитического аспекта германского объединения с падения Берлинской стены, как бы между прочим вплетая в повествование подготовительную работу президентов США Р. Рейгана и Дж. Буша, визит Г. Коля в Москву в октябре 1988 г. и приезд М.С. Горбачева в Бонн в июне 1989 г. При рассмотрении событий 1990 г. авторы и составители этих изданий также проявляют скрупулезность и объективность.

Первые попытки оценить историческое значение объединения Германии были предприняты российскими и германскими публицистами, причем еще до того, как непосредственные участники событий нашли время для выражения в той или иной форме своего видения произошедшего поворота истории. Вскоре к обсуждению данной темы подключились и историки. Одной из первых монографий была работа Н.В. Павлова «Объединение, или рассказ о решении германского вопроса с комментариями и отступлениями» (1992). Затем последовало изданное в учебных целях исследо-

вание автора данной статьи [1]. Следует также отметить в числе первых опытов осмысления произошедших событий монографию Л.М. Воробьевой [5]. Из новейших немецких публикаций, довольно полно осветивших процесс окончательного урегулирования в отношении Германии, можно отметить монографии Хельги Хафтендорн и Александра фон Плато [25; 28; 15].

Два десятилетия — достаточный срок для объективной оценки исторического события, в данном случае — объединения Германии. Однако в публицистике, которой в силу ее природы присуще отражение в той или иной форме различных политических тенденций, суждения о причинах и последствиях падения Берлинской стены до сих пор существенно различаются. Например, на российском телевидении нередко приходится слышать утверждения о том, что объединение Германии якобы принесло большие выгоды Советскому Союзу. Некоторые публицисты также утверждают, что это событие произошло стихийно, неожиданно «для всех», независимо от воли и желания политиков, особенно советских. Так ли это было на самом деле?

При поиске ответа на этот вопрос большую помощь может оказать ознакомление с новейшими работами европейских и американских историков. В них появляется все больше высказываний и свидетельств авторитетных и информированных участников событий, которые позволяют дополнить общую картину объединения Германии существенными деталями и глубже понять его причины и последствия.

* * *

Если судить по публичным событиям, то процесс объединения Германии начался стихийно: с возмущения граждан ГДР ограничением их прав и свобод властями страны, открытия Бранденбургских ворот, а затем и разрушения Берлинской стены. Однако многочисленные документальные свидетельства позволяют говорить о том, что присоединение ГДР к ФРГ было тщательно спланировано и подготовлено западными державами. Сумев в период быстрой смены политического руководства СССР вовремя сделать ставку на М.С. Горбачева как перспективного лидера Советского Союза, готового к диалогу с Западом и выработке компромиссных решений, лидеры западных держав перешли в наступление на германском направлении.

Для США присоединение ГДР к ФРГ было частью общего курса на ослабление СССР, который был взят в период президентства Р. Рейгана и доведен до логического завершения его преемником Дж. Бушем. Публично курс на решение национальной проблемы ФРГ был сформулирован по окончании первой легислатуры пра-

вительства во главе с федеральным канцлером Гельмутом Колем (1983—1987). Летом 1987 г. на празднование 750-летия Берлина прилетел президент США Р. Рейган. Он выступил на площади у Бранденбургских ворот с призывом: «Мистер Горбачев, откройте эти ворота!» На наш взгляд, провозглашение такого призыва не было импровизацией — оно было тщательно продумано и подготовлено. Со стороны США это было частью стратегии по уничтожению «империи зла», со стороны ФРГ — политика, направленная на решение проблемы единства нации. Исходной позицией западногерманской дипломатии для начала наступления должен был стать кризис в ГДР.

Этот кризис возник в силу ряда объективных и субъективных причин, но особенно стал обостряться после начала перестройки в СССР. Бывший глава спецслужб ФРГ, а в 1977—1980 гг. — посол ФРГ в Москве, несомненно, хорошо информированный госслужащий Ганс Георг Вик в интервью французскому «Радио Франс Интернациональ» частично раскрыл обстоятельства начала кризиса политического руководства Восточной Германии, связав его с расхождениями между главой правительства ГДР Э. Хонеккером и генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым. На вопрос корреспондентки Галины Аккерман «Правда ли, что против Хонеккера был заговор, за которым стоял Михаил Горбачев?» он дал такое пояснение: «Я не говорил бы о заговоре, но в октябре 1989 года было уже ясно, что Хонеккер не способен, ни умственно, ни физически, руководить страной по состоянию здоровья. Поэтому он согласился уйти в отставку. Однако еще в 1988, если не в 1987 году Москва предприняла попытки усилить лагерь реформаторов внутри правящей партии, СЕПГ. Посредниками между Москвой и реформаторами выступали будущий премьер ГДР Ганс Модроу и бывший глава ее разведки Маркус Вольф. Реформаторы пытались склонить на свою сторону членов Политбюро и таким образом заставить Хонеккера пойти на реформы». Реформы в ГДР были условием проведения переговоров между четырьмя державами-победительницами и двумя германскими государствами, а также получения материальной поддержки от ФРГ. План М.С. Горбачева предусматривал создание «общеευропейского дома», в котором нашлось бы место для конфедерации двух германских государств.

Кризис в ГДР обострился летом 1989 г. и принял необратимый характер в ходе мероприятий в связи с 40-летием ГДР в октябре 1989 г. Участие генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в праздновании юбилея союзного рабоче-крестьянского государства должно было ознаменовать размежевание между консерваторами и реформаторами в правительстве ГДР. Отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС подготовил для речи генсека хлесткую

формулу: «Того, кто опаздывает, наказывает жизнь». Девиз был явно адресован «старому Эриху» и понятен всем: и друзьям, и противникам. Довольно скоро Э. Хонеккер был отстранен от власти, а попытки реформаторов спасти республику не принесли желаемого результата. Решение политбюро ЦК СЕПГ об облегчении выезда граждан из республики в западном направлении было истолковано в Берлине как разрешение тотчас открыть ворота.

В ночь с 8 на 9 ноября 1989 г. толпы берлинцев собрались у Бранденбургских ворот, требуя открыть проход в западную часть города. Минуя окна советского посольства, некоторые демонстранты недвусмысленно давали понять нашим дипломатам, что не намерены более мириться с советским присутствием. Они, конечно, не могли знать, что по закрытому каналу М.С. Горбачев сообщил обер-бургомистру Западного Берлина о том, что советские солдаты останутся в казармах, что бы ни случилось в городе [11]. Впрочем, несколько сотен советских военнослужащих все же пошли погулять на Ку-Дамм и не вернулись.

На запрос нашего посольства «Что мы должны предпринять?» из Москвы пришла неслыханная в истории дипломатии «инструкция»: пусть все идет своим чередом. Советские дипломаты в Берлине не дождались единственного разумного указания — вступить в контакт с представителями США, Великобритании и Франции, которые вместе с СССР еще обладали в тот момент правами в отношении Германии и несли ответственность за страну. Очевидно, что все было обговорено с правительствами США и ФРГ заранее.

Федеральный канцлер Г. Коль установил первый после падения стены в Берлине телефонный контакт с премьер-министром Великобритании М. Тэтчер. Он был озабочен тем, чтобы Международный валютный фонд (МВФ) выдал кредит Польше, а не тем, как развиваются события в Берлине.

Значительно позже стало известно, что М. Тэтчер еще в сентябре 1989 г., возвращаясь в Великобританию из Токио, остановилась ненадолго на аэродроме в Шереметьево, чтобы обсудить с М.С. Горбачевым германский вопрос и посоветовать ему не торопиться при его решении. Советский лидер, казалось, занял твердую позицию: объединение Германии не стоит в повестке дня. Однако Г. Коль с согласия США взял курс на «ускорение». В конце ноября 1989 г. он выступил с программой из 10 пунктов по преодолению кризиса в ГДР. Правда, дальше пожелания создать договорное сообщество или конфедерацию двух германских государств он тогда не пошел. М.С. Горбачев пытался выразить возмущение тем, что Г. Коль не придерживается договоренностей, а это значит, что такие договоренности были.

Следующим важнейшим шагом на пути к объединению Германии стала встреча М.С. Горбачева с президентом Дж. Бушем на американском военном корабле у о. Мальта в начале декабря 1989 г. Эта встреча произошла по инициативе американского президента, который основательно подготовился к ней, в отличие от генерального секретаря правящей партии Советского Союза. Если ранее американские руководители остро ставили вопрос о защите прав человека в СССР, то в конце 1989 г. на первый план была выдвинута ситуация в Германии, находившейся в сфере ответственности четырех держав-победительниц, главным образом СССР и США.

Ключевым вопросом германского урегулирования уже в тот момент был международный статус объединенной Германии: станет ли она нейтральной страной, т.е. воздержится от участия в военных блоках, или останется в НАТО. Против нейтрализации активно выступали не только США, но и Великобритания. Они не хотели отказаться от сложившегося после Второй мировой войны положения западноевропейских государств под эгидой США и решительно вели дело к тому, чтобы вытеснить Советский Союз из Центральной и Восточной Европы. К сожалению, историки пока не располагают полной информацией о ходе бесед на Мальте. Существуют несколько версий этого события, однако полное содержание встречи до сих пор остается загадкой. Опубликованные «Фондом Горбачева» записи «Из бесед М.С. Горбачева с Дж. Бушем», датированные 2 и 3 декабря 1989 г., — это фрагменты, отрывки, которые не дают полного представления о сути дела [12, с. 268—272]. М.С. Горбачев говорил по поводу событий в Германии: «У нас впечатление, что господин Коль торопится, суетится, действует несерьезно, неответственно. <...> Это что же будет? Единая Германия будет нейтральной, не принадлежащей к военно-политическим союзам, или членом НАТО? <...> Не мы с вами ответственны за раздел Германии. Так распорядилась история». Советский лидер еще предлагал отложить этот вопрос на будущее: «Пусть история распорядится этим вопросом и в будущем». Дж. Буш резонно заметил, что он не намерен «прыгать на стену». На следующий день его поддержал госсекретарь Дж. Бейкер: «Вопрос объединения Германии вызывает нервозность и у нас, и у вас, да и у многих европейцев. За что мы здесь выступаем? Чтобы объединение происходило на принципах гласности, плюрализма, свободного рынка» [12, с. 268—272].

Что же в действительности произошло в результате бесед на Мальте? Интересные соображения по этому поводу высказала в интервью газете «Известия» в начале 2008 г. известная французская исследовательница, профессор парижского Института международных и стратегических исследований Катрин Дюранден,

автор нескольких книг, имевшая доступ к документам ЦРУ. В беседе с парижским корреспондентом «Известий» Олегом Шевцовым она высказала свои суждения о роли спецслужб США в подготовке и реализации планов своей страны в отношении СССР и Германии.

На вопрос корреспондента К. Дюранден дала такой ответ: «Горбачев встречался с Бушем на военном корабле, а в это время был страшный шторм. Теперь у меня есть полная уверенность, что ваш президент к этому саммиту был совершенно не готов. Обсуждалось кардинально важное для Советского Союза событие: объединение Германии» [9]. К тому моменту Дж. Буш и Г. Коль между собой решили, что объединенная Германия будет членом НАТО. Неизвестно, правда, был ли готов к этому весь германский народ, но такой вопрос лидеров США и ФРГ вовсе не интересовал. Западные наблюдатели отмечали, что М.С. Горбачев вел себя сдержанно, даже робко, но все же решился в ответ на настойчивые напоминания о нарушениях прав человека в СССР возразить: «Но у вас же нет монополии на права человека!» Дж. Буш держал в руках список репрессированных лиц, отодвигая на второй план главный вопрос, ради которого он и вызвал М.С. Горбачева на встречу. Тем самым американский президент как бы лишал М.С. Горбачева возможности выдвигать какие-либо условия по решению германской проблемы. На вопрос корреспондента: «В конце концов Горбачев сдался?» К. Дюранден ответила просто: «Мне кажется, он запаниковал. На это, собственно, и был расчет ЦРУ». На эту фразу стоит обратить внимание: расчет не дипломатического ведомства, а ЦРУ. Сложность внутривластного положения в Советском Союзе, конечно, надо принимать во внимание, однако в сложившейся ситуации самоуверенному лидеру полагалось сослаться на необходимость решать вопросы мирового значения в согласии с компетентными органами своей страны. Французская исследовательница полагает: «И расчет разведуправления, хорошо изучившего характер генсека, строился на том, что он был истощен психологически и у него просто не хватит твердости сопротивляться давлению Запада» [9]. Тому, что М.С. Горбачев так легко сдался, больше всего удивились лидеры Франции и Великобритании, призывавшие главу СССР не торопиться в процессе решения германского вопроса.

Как бы то ни было, но после встречи с Дж. Бушем на Мальте генсек не просто пошел на уступки, но начал всячески приближать объединение Германии. Г. Коль между тем стал выезжать на территорию ГДР и выступать на массовых митингах, обещая в кратчайший срок превратить всю Германию в цветущий ландшафт.

В январе 1990 г. бундесканцлер, удивив своих финансистов, предложил ввести дойчмарку на территории ГДР и даже выгодно

обменять имеющиеся накопления граждан Восточной Германии. В конце января 1990 г. М.С. Горбачев в узком кругу своих непосредственных сотрудников провел совещание по германскому вопросу, на котором было решено делать ставку на Г. Коля, поскольку в союзной ГДР подходящих партнеров, по мнению генсека, не было [12, с. 307—311]. Западные наблюдатели и публицисты полагают, что М.С. Горбачев проявил наивность в этом вопросе, а также стремился как можно скорее получить финансовый кредит. Он так описал свое понимание ситуации: «Мы сейчас с ГДР как со своим Азербайджаном: не на кого опереться, не с кем иметь доверенных отношений. А если и можно с кем-то договариваться, это не имеет решающих последствий. <...> Нет реальных сил в ГДР. Следовательно, на процесс мы можем воздействовать только через ФРГ. И здесь перед нами выбор: Коль или СДПГ» [4, с. 551]. Председатель Совета министров Н.И. Рыжков, со своей стороны, не торопился получить первый скромный по размерам кредит в 3 млрд марок, понимая, что по долгам надо будет платить. Он высказал альтернативную точку зрения: «Конфедерация — да. Но мы должны выдвинуть условия для конфедерации. Неправильно отдавать все Колю» [4, с. 551]. Тем не менее М.С. Горбачев в итоге сделал ставку на канцлера ФРГ.

На совещании выявилось ключевое значение вопроса об участии или неучастии объединенной Германии в военных блоках. «Главное, — признал М.С. Горбачев, — на что никто не должен рассчитывать, что объединенная Германия уйдет в НАТО. Наличие наших войск этого не позволит. А убрать их мы можем, если американцы тоже уберут свои войска» [4, с. 552]. Таким образом, официально сформулированные условия воссоединения двух германских государств в начале процесса переговоров по формуле «четыре плюс два» были определены четко: объединенная Германия не участвует в военных блоках, все иностранные войска выводятся с ее территории одновременно. Разумные размышления генсека, однако, уже в середине того же года превратились в прямо противоположные «компромиссные» решения: советские войска уходят, американские — остаются в ФРГ, объединенная Германия входит в НАТО.

В конце января — начале февраля 1990 г. М.С. Горбачев провел в Москве встречи с лидерами ГДР: главой правительства Г. Модровым и лидером Партии демократического социализма (бывшей СЕПГ) Г. Гизи. Беседы имели характер консультаций с «товарищами» в целях получения информации о трудном положении республики (государственных долгах, внутренних и внешних, настроениях граждан, намеченных на май выборах в Народную палату). Г. Модров обрисовал ситуацию в государстве и волнение обще-

ственности и высказал разумное пожелание «притормозить процесс и перевести его в общеевропейское русло. <...> Думаю, что стоило бы Советскому Союзу напомнить о своих правах в Германии вместе с другими тремя державами» [12, с. 317]. Как видим, глава правительства ГДР глубже понимал государственные интересы не только ГДР, но и СССР. В беседах с Г. Модровым (последний раз в ноябре 2010 г.) автору этой статьи довелось спросить у него, сказал ли генсек союзнику, хотя бы косвенно, что намерен предпринять на следующей неделе. Ответ был прост: ни единого слова. Советский лидер предпочел в качестве деловых партнеров представителей США и ФРГ.

Встреча М.С. Горбачева с госсекретарем США Джеймсом Бейкером в Москве 9 февраля 1990 г., как следует даже из неполной записи под названием «Из беседы...», имела действительно судьбоносное значение. Госсекретарь прилетел в Москву, имея в папке серьезный план решения германского вопроса. Прежде всего, считая объединение Германии неизбежным, Дж. Бейкер отклонил саму идею ее нейтралитета. Он мотивировал свою позицию тем, что нейтральная Германия непременно станет милитаристской и даже заявит претензию на ядерное оружие. На деле, конечно, имелось в виду сохранение влияния на страну США и НАТО.

Дж. Бейкер изложил сценарий решения германского вопроса, отметив, что «процесс идет гораздо быстрее», чем ожидали в прошлом году, «даже в декабре»: «18 марта народ ГДР проголосует на выборах. Подавляющим большинством он выскажется за объединение, изберет руководителей, которые поддерживают идею объединения Германии. Вскоре два германских государства начнут обсуждение внутренних аспектов объединения, таких вопросов, как объединение правительств, парламентов, общая столица, общая валюта, экономический союз» [12, с. 333]. По такому (американскому) сценарию и пошел «процесс». Надо было согласовать внешний аспект германского урегулирования, и по этим вопросам госсекретарь также имел готовый план. Отклонив формулу переговоров «четыре плюс два», а также использование «громоздкого» механизма ОБСЕ, Дж. Бейкер твердо предложил формулу «два плюс четыре», более приемлемую для ФРГ. Американский сценарий не вызвал возражений советских руководителей, как и план сохранения НАТО и военного присутствия США в Европе. «Мы понимаем, — заявил госсекретарь США, — что не только Советскому Союзу, но и другим европейским странам важно иметь гарантии того, что если Соединенные Штаты будут сохранять в рамках НАТО свое присутствие в Германии, то не произойдет распространения юрисдикции или военного присутствия НАТО ни на один дюйм в восточном направлении. Мы считаем, что консультации

и обсуждения в рамках механизма “2+4” должны дать гарантии того, что объединение Германии не приведет к распространению военной организации НАТО на Восток» [12, с. 334]. Таким образом, от США поступило предложение в случае объединения Германии не расширять сферу действия военного блока НАТО «ни на один дюйм», не то чтобы на 1000 км, вплоть до границ СССР. Возникает, естественно, вопрос: почему М.С. Горбачев и Э.А. Шеварднадзе не включили в дальнейшем в документы по окончательному урегулированию столь важное обязательство Соединенных Штатов, предложенное от имени и других членов НАТО? Вероятно, не последнюю роль сыграла некомпетентность указанных деятелей в дипломатии, ведь госсекретарь фактически предлагал международные гарантии безопасности Советского Союза как условие объединения Германии.

Свое предложение Дж. Бейкер сформулировал в виде вопроса: «Предполагая, что объединение состоится, что для вас предпочтительнее: объединенная Германия вне НАТО, полностью самостоятельная, без американских войск, или объединенная Германия, сохраняющая связи с НАТО, но при гарантии того, что юрисдикция или войска НАТО не будут распространяться на восток от нынешней линии?». Под «нынешней линией» следовало понимать границу между ФРГ и ГДР, ФРГ и Чехословакией и далее на юг, а также границу Норвегии с СССР на севере. Бывший посол США в Москве Джек Мэтлок, выступая позже против расширения НАТО, подтвердил, что США и ФРГ обещали не расширять НАТО на Восток, к границам России, после объединения Германии: «Я был свидетелем этого, и тогда мы обманули русских. Почему же они должны верить нам сейчас?» [14].

В личной дипломатии М.С. Горбачева в конце января 1990 г. произошел поворот, а в первой декаде февраля началась практическая реализация замысла генсека: принять сценарий США и ничего не предпринимать без канцлера ФРГ. Можно указать точную дату такого разворота: 10 февраля 1990 г. — встреча с Г. Колем в Москве. Она была неожиданной для общественности, но не для окружения М.С. Горбачева.

Встреча началась во второй половине дня и состояла из двух частей: в первой, проходившей в формате «один на один», приняли участие с немецкой стороны Х. Тельчик, а с советской — А.С. Черняев, во второй — Г.Д. Геншер с немецкой стороны и Э.А. Шеварднадзе — с советской. Нам известна запись беседы, хранящаяся в «Фонде Горбачева» [12, с. 339—360]. Адекватное, хотя и не полное, отражение эта встреча получила в дневниковых записях статс-секретаря ведомства федерального канцлера Х. Тельчика, а позже — в воспоминаниях Г.Д. Геншера [29, S. 137—143; 23].

Что дает основание считать это событие поворотным пунктом в решении германского вопроса, точнее, в деле объединения Германии? На этой встрече, которую стороны рассматривали как продолжение диалога, состоявшегося в Бонне в июне 1989 г., М.С. Горбачев передал ведущую роль в объединении Германии федеральному канцлеру ФРГ Г. Колю. После обстоятельного сообщения о положении в ГДР, откуда за год перешло в ФРГ 380 тыс. граждан, главным образом молодых людей, Г. Коль назвал точную дату, когда «рухнул» авторитет ГДР как государства, — 20 января. М.С. Горбачев констатировал: «Наверное, можно сказать, что между Советским Союзом, ФРГ и ГДР нет разногласий по вопросу о единстве немецкой нации и что немцы сами решают этот вопрос. Короче, в главном, исходном пункте есть понимание: сами немцы должны сделать свой выбор. И они должны знать эту нашу позицию» [12, с. 348]. Х. Тельчик утверждает, что он тотчас понял смысл заявления М.С. Горбачева: «Это прорыв! Горбачев соглашается на объединение Германии. Это триумф канцлера Г. Коля. Он войдет в историю как канцлер германского единства» [29, S. 140].

Х. Тельчик уверен, что Г. Коль не сразу понял значение заявления М.С. Горбачева, но когда ему было дано пояснение, обронил историческую фразу: «Дан зеленый свет. Поезд германского единства рванул с места вперед!» Правда, дипломаты и некоторые политики понимали, что до единства еще надо преодолеть большую дистанцию, прежде всего — развязать или разрубить немало узелков общеевропейского и мирового масштаба. На этой дистанции еще можно было получить серьезные гарантии безопасности Советского Союза и компенсацию потерь, которые понесла страна в результате поспешной сдачи позиций архитекторами перестройки. Главной проблемой оставалось участие объединенной Германии в военном блоке НАТО, что прямо противоречило условиям послевоенного урегулирования.

На встрече в Кремле канцлер Г. Коль заявил: «Чего мы не хотим, так это нейтралитета. Это была бы историческая глупость». Но в согласии с руководителями США германский канцлер понимал, что участие ФРГ в НАТО должно исключить саму возможность расширения сферы действия этого военного союза в восточном направлении, к границам СССР. «Мы считаем, — заявил он, — что НАТО не должна расширять сферу своего действия. Надо найти здесь разумное урегулирование. Я правильно понимаю интересы безопасности Советского Союза и отдаю себе отчет в том, что вы, г-н генеральный секретарь, и советское руководство должны будете доходчиво объяснить происходящее населению СССР» [29, S. 345]. Германский канцлер правильно понимал интересы безопасности СССР и готов был учесть их при окончательном урегулировании,

но генеральный секретарь ЦК КПСС почему-то пренебрег этим. Последовавшие события, особенно развал Советского Союза и расширение сферы действия НАТО за счет поглощения бывших союзных республик, освободили генсека от обязанности объяснять населению произошедшее.

Через два-три дня после бесед в Москве с Дж. Бейкером и Г.Д. Геншером министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе отправился в Оттаву для участия в конференции по режиму «открытого неба», где в соответствии с инструкцией должен был согласовать с бывшими союзными державами формулу «четыре плюс два» для ведения переговоров о германском урегулировании. Однако по возвращении из Канады он предложил сообщение для печати о том, что согласовал формулу «два плюс четыре», которая давала определенные преимущества германской стороне, точнее дипломатии ФРГ, в организации процесса урегулирования. В ответ на замечание компетентных экспертов, что в инструкции было намечено иное, Э.А. Шеварднадзе простодушно сказал, что министр ФРГ Г.Д. Геншер очень просил, а «Геншер — хороший человек». Фактически советский министр выполнил пожелание госсекретаря США, видимо, согласовав свой шаг с генсеком.

Принятие формулы «два плюс четыре» и предоставление канцлеру ФРГ «картбланша» в решении внутригерманских вопросов было исключительно в интересах федерального правительства. Отвергнув с самого начала условие неучастия в военном блоке, оно решительно отклонило идею проведения мирной конференции для выработки мирного договора для Германии, закрепления в нем территориальных реалий, т.е. существовавших на тот момент их государственных границ, не говоря уже о репарациях — возмещении ущерба, нанесенного германской агрессией. На основе формулы «два плюс четыре» дипломаты ФРГ смело взялись за решение проблем отношений с ГДР. Формально еще оставались в силе права и ответственность четырех держав-победительниц, но фактически решающее слово при урегулировании германского вопроса было передано правительству ФРГ, которое первым делом объявило, что правительство ГДР во главе с Г. Модровым не справляется с управлением, и инициировало проведение «первых свободных» выборов в другом германском государстве. Созданный на скорую руку «Альянс за Германию» на выборах 18 марта 1990 г. получил относительное большинство и сформировал коалиционное правительство ГДР во главе с политиком «переходного периода» Лотаром де Мезьером. Правившая в ГДР партия СЕПГ, переименованная в Партию демократического социализма, была отстранена от власти. Именно с новым правительством дипломаты ФРГ и вступили в деловые переговоры. В мае 1990 г. было заключено межправитель-

ственное соглашение о создании социального, экономического и валютного союза, в июне Народная палата приняла решение о переносе законов ФРГ на земли ГДР, в июле там была введена валюта ФРГ, что означало уже утрату суверенитета ГДР, а в конце августа был заключен договор об установлении единства Германии (со ссылкой на статью 23 Основного закона ФРГ). Внутригерманское урегулирование без вмешательства четырех держав предшествовало и предопределило ход переговоров по установлению международного статуса объединенной Германии. Четыре державы сначала предоставили полный суверенитет ФРГ, а потом оформили это договором.

Введение марки ФРГ на территории ГДР с 1 июля 1990 г. имело как краткосрочные, так и долгосрочные последствия. С древнейших времен известно, что одной из функций суверенного государства является регулирование денежной системы, поэтому данное событие фактически означало утрату ГДР своего суверенитета. Однако этот акт имел прямые последствия и для Советского Союза, который содержал на территории ГДР Западную группу войск (ЗГВ) численностью примерно в 400 тыс. человек, а также членов семей офицеров. Жалование офицерам и солдатам выплачивалось в марках ГДР, следовательно, перед советским правительством возникла большая проблема: выплата своим военнослужащим «содержания» в валюте ФРГ, что не было предусмотрено государственным бюджетом. Генеральный секретарь правящей в СССР партии не предусмотрел возможные последствия передачи дела объединения немцев целиком в руки канцлера ФРГ. Кроме того, судя по всему, он не информировал надлежащим образом главу правительства своей страны о предпринимаемых внешнеполитических шагах.

Автору данной статьи удалось выявить в Российском Центре хранения современной документации (ЦХСД) серьезный государственный документ, подписанный председателем Совета министров СССР Н.И. Рыжковым, — записку «В ЦК КПСС», датированную 29 июня 1990 г., т.е. за 1—2 дня до введения марки ФРГ на территории ГДР, в которой Н.И. Рыжков рассматривал ситуацию, сложившуюся в этой связи [17, с. 4—10].

Выявленный документ, видимо не единственный в фондах архива, доказывает, что М.С. Горбачев не предоставлял высшему исполнительному органу власти информацию о своей деятельности и принимаемых решениях, иначе как можно понять тот факт, что с апреля 1990 г. представители Совета министров вели переговоры с только что образованным правительством ГДР относительно соблюдения имеющихся соглашений? Германская сторона дипломатично давала понять, что будет выполнять обязательства ГДР, но на базе свободно конвертируемой валюты. Анализ документа дает

основание для вывода, что в тот момент советское правительство было больше озабочено текущими проблемами, связанными с введением марки ФРГ в ГДР, чем отдаленными стратегическими последствиями ликвидации союзного государства ГДР, точнее — не предполагало скорого его исчезновения. Совмин исходил из того, что сотрудничество с предприятиями ГДР будет продолжаться. Еще в конце апреля, когда в Москве находилась делегация Восточной Германии во главе с премьером Лотаром де Мезьером, стороны договорились, что будут созданы 7 рабочих групп для урегулирования возникающих проблем. После подписания между ГДР и ФРГ соглашения о социальном, экономическом и валютном союзе в Берлин был направлен заместитель премьера СССР С.А. Ситарян для урегулирования финансовых проблем с ГДР. В итоге в июне было достигнуто соглашение об обмене наличных денег (сбережений военнослужащих) в марках ГДР на марки ФРГ на льготных условиях — 1 : 1. Однако осталась большая проблема — финансирование армии во второй половине года. Для этого необходимо было изыскать примерно 250 млн так называемых переводных рублей или 1 млрд 250 млн марок ФРГ. Поскольку взять их было негде, на выручку пришла Западная Германия. Посольство ФРГ в Москве сообщило через своего сотрудника Х.В. Лаутеншлагера, что будет выделена искомая сумма. 29 июня, в день обращения Совмина в ЦК партии, заместитель министра иностранных дел СССР Э. Обминский подписал в Берлине соглашение с правительством ГДР относительно финансирования ЗГВ на полгода. Это могло стать поводом для того, чтобы притормозить процесс урегулирования, однако М.А. Горбачев и Э.А. Шеварднадзе форсировали его, действуя в ударном темпе, который весьма удивлял М. Тэтчер.

Н.И. Рыжков предлагал рассматривать решение экономических и финансовых вопросов в прямой связи с процессом урегулирования. В анализируемой записке он прямо написал об этом, однако в последний момент вычеркнул этот абзац. Тем не менее для понимания различия в подходах М.С. Горбачева и Н.И. Рыжкова к решению германского вопроса, на наш взгляд, принципиально важно сохранить для истории этот пассаж. Н.И. Рыжков как государственный предлагал выработать единую позицию Советского Союза, учитывая подходы и мнения Министерства обороны, Министерства финансов и Министерства иностранных дел. «При этом очень важно, — написал и вычеркнул премьер, — чтобы МИД СССР при проведении переговоров по военно-политическим аспектам объединения Германии, в том числе и в рамках группы “2+4”, увязывал их с обсуждением экономических и финансовых аспектов пребывания ЗГВ в ГДР в 1991 г. и последу-

ющий период. Такая взаимосвязь существует объективно и в тактическом отношении выгодна нам, усиливая наши позиции по всему комплексу вопросов германского объединения» [17, с. 6, 7].

Совет министров СССР в конце июня 1990 г. всерьез рассматривал вопросы экономического взаимодействия именно с ГДР по нескольким направлениям:

1. Торгово-экономическое сотрудничество в 1991 г. с учетом новых условий расчетов в свободно конвертируемой валюте по «мировым ценам», коэффициента пересчета задолженности по торговым сделкам и т.п.

2. Подготовка нового торгового соглашения с учетом взаимной заинтересованности СССР и ГДР в обмене товарами.

3. Реализация совместных проектов на территории СССР: Ямбургское месторождение газа, газопровод Ямбург — Западная граница, Криворожский горно-обогатительный комбинат, строительство АЭС и др.

4. Рекультивация земель в ГДР в связи с прекращением работы акционерного общества по добыче урана «Висмут».

5. Правовое урегулирование имущественных вопросов, связанных с пребыванием ЗГВ на территории ГДР.

Как видно из этого перечня, советское правительство в середине 1990 г. не предполагало ликвидацию ГДР. Напротив, оно планировало выполнение совместных проектов. Исследователям предстоит еще большая работа по выявлению причин и инициаторов ускорения процесса решения германского вопроса, но можно предположить, что в Советском Союзе назревала (или уже назрела) альтернативная точка зрения на германское урегулирование: М.С. Горбачев спешил выполнить свою «историческую миссию» — «лучшего немца» (по выражению некоторых СМИ ФРГ).

В выработке «окончательного урегулирования» в отношении Германии ведущая роль в соответствии с формулой «два плюс четыре» оказалась в руках министра иностранных дел ФРГ Г.Д. Геншера, который мастерски использовал представившуюся возможность в интересах своей страны. По сути, переговоров в собственном смысле не было.

Согласно договоренности в Оттаве по формуле «два плюс четыре» от 13 февраля 1990 г., имели место однодневные встречи за круглым столом министров иностранных дел шести государств: 5 мая в Бонне, где, естественно, ведущую роль играл Г.Д. Геншер, затем 22 июня в Берлине, где снова первая скрипка была в его руках. На встречу в Париже 17 июля 1990 г., очевидно, по настоянию Франции, был приглашен министр иностранных дел Польши. По сути, на таких встречах принимали к сведению пожелания ФРГ и разъезжались для оформления их на бумаге. Германская дипло-

матия очень торопилась с подписанием договора, а вместе с ней почему-то торопились Э.А. Шеварднадзе и М.С. Горбачев. Участники судьбоносного процесса не сочли необходимым проводить встречи в Лондоне и Нью-Йорке, а гостеприимная Москва охотно согласилась пригласить делегации шести государств немедленно для подписания основного договора, не дожидаясь выработки «большого договора» между СССР и ФРГ и других двусторонних соглашений, которые, конечно, по всем правилам дипломатии полагалось подписать если не в одном пакете, то одновременно.

Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии был подписан министрами иностранных дел шести государств (ФРГ и ГДР, Великобритании и Франции, СССР и США) 12 сентября 1990 г. в Москве в гостинице «Октябрьская», которую позже назвали «Президент-отель». Содержание этого документа, определившего международный статус объединенной Германии и являющегося действующим договором уже более 20 лет, хорошо известно по многочисленным публикациям, в том числе по монографии автора данной статьи [2, с. 147—155]. Не вдаваясь в детали изложения и анализа этого исторического документа, необходимо подчеркнуть, что отдельные его постановления имеют не только непосредственные, но и отдаленные, далеко идущие последствия для нашей страны.

Прямыми итогами заключения Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии стали: ликвидация ялтинских и потсдамских соглашений и договоренностей, включая права и ответственность четырех держав за статус Берлина и Германии в целом (без заключения полноценного мирного договора); вывод советских войск с германской территории до конца 1994 г. при сохранении войск США и других стран НАТО. На единую Германию были возложены определенные военные ограничения, в том числе отказ от вооружений класса АВС, сокращение численности вооруженных сил и др. Особенность этого договора, как отметил однажды последний премьер ГДР Л. де Мезьер на научной конференции в Москве, состоит в том, что под ним в первый и последний раз были поставлены подписи двух германских государств — ГДР и ФРГ.

В связи с проблематикой, затронутой в данной статье, естественно, возникает вопрос: почему в договор не было включено обязательство ФРГ и США (они готовы были взять его на себя) не расширять сферу действия НАТО в восточном направлении «ни на один дюйм»? Статья 6 договора лаконично (в трех строках) констатирует: «Право объединенной Германии на участие в союзах со всеми вытекающими из этого правами и обязательствами настоящим Договором не затрагиваются» [6, с. 11—17; 15]. В американской публицистике и даже в дипломатической практике часто рас-

смастривают переговоры как игру в шахматы или карты. В начале 1990 г. Дж. Бейкер сообщил германским представителям, что русские затеяли игру, в финальной стадии которой они сдадутся. Видимо, он имел основания для такого прогноза.

После нескольких категорических заявлений об абсолютной неприемлемости участия Германии в военном блоке М.С. Горбачев, неожиданно и для советских, и для американских дипломатов, сдал позиции. В конце мая 1990 г. большая советская делегация во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС прилетела в Вашингтон для официальных переговоров, во время которых еще было не поздно поставить вопрос о роспуске противостоящих военных блоков или, во всяком случае, о выводе всех иностранных войск с территории единой Германии. Перед этим еще взвешивалось предложение советской стороны об участии германских государств одновременно в двух блоках — НАТО и ОВД. Правда, западные партнеры оценили такое предложение М.С. Горбачева и Э.А. Шеварднадзе как «несуразное» (Дж. Буш) и «шизофреническое» (Дж. Бейкер). И вот в конце мая — начале июня М.С. Горбачев попросил В.М. Фалина изложить официальную позицию относительно неприемлемости участия единой Германии в противостоящем блоке, а затем за чашкой кофе в овальном кабинете президента в Белом доме неожиданно для всех присутствовавших заявил, что если немцы так хотят быть в НАТО, то пусть так и будет. Ошеломленный Дж. Буш дважды попросил М.С. Горбачева повторить только что сказанное, настолько это было важно. Американский президент немедленно информировал об этом федерального канцлера, который тотчас выразил желание побывать на родине М.С. Горбачева близ Ставрополя. Германские публицисты считают встречу М.С. Горбачева и Г. Коля в местечке Архыз летом 1990 г. историческим событием и победой дипломатии ФРГ. Скорее, это был успех дипломатии США и лично Дж. Буша, предпринявшего первые шаги в этом направлении за шесть лет до объединения Германии. В глазах федерального канцлера это был его триумф, сравнимый с Ялтой и Потсдамом, поскольку без единого выстрела, исключительно мирными средствами, не отдав ни пфеннига в качестве аванса, он освободил ФРГ от тяжкого наследия Второй мировой войны! В Архызе были обговорены основные положения договора, который и был составлен в срочном порядке в течение двух месяцев, причем в этом документе интересы не только ближайшего соседа — президента Франции Ф. Миттерана, но и «железной леди» М. Тэтчер были отодвинуты на второй план. М.С. Горбачев нашел общий язык с Г. Кодем, но последний ни от чего не отказался, тогда как генеральный секретарь ЦК КПСС отказался от результатов победы советского народа во Второй мировой войне, от прав и от-

ветственности за Берлин и Германию в целом. Поистине исторический поворот!

Каковы его реальные последствия? В средствах массовой информации ангажированные публицисты дают простой ответ: Россия выиграла от объединения Германии, прекращения «холодной войны» и вывода своей армии не только из ГДР, но еще раньше — из других стран Центральной и Восточной Европы, объединение Германии было неизбежным и произошло неожиданно «для всех». Как следует из фактов и документов, приводимых в данной статье, руководители США и ФРГ тщательно готовили ликвидацию «империи зла» и поглощение ГДР другим германским государством. Для них это событие было частью далеко идущего замысла и отнюдь не стало неожиданным.

С научной точки зрения объединение Германии было исторической необходимостью. Однако темпы реализации, а главное — геополитические последствия этого события вовсе не были фатально predetermined. Многое зависело от того, какую позицию займет Советский Союз. К сожалению, у руля великой державы оказались кормчие, не способные отстоять ее государственные интересы.

Главным результатом объединения Германии было коренное изменение геополитической ситуации в Европе: с одной стороны — вытеснение России в ее этнические пределы, развал Союза СССР, а с другой — «неожиданное» усиление ФРГ, которая расширила свои границы, увеличила свой людской и экономический потенциал и как полностью суверенное государство заявила свои претензии на участие в решении глобальных проблем. Изменение геополитической ситуации повлекло за собой пересмотр стратегических концепций. Западные державы воспользовались новыми условиями для расширения не только сферы своего влияния, но и сферы действия НАТО. За десять лет, с 1999 по 2009 г., в этот военный блок были приняты 12 государств Восточной и Юго-Восточной Европы. Первыми в этом ряду оказались Чехия, Венгрия и Польша.

Пределы Североатлантического альянса расширены и приближены к историческим границам СССР на 800 км. Войска НАТО могут дислоцироваться напротив Брестской крепости у реки Буг, где была сосредоточена нацистская армия вторжения в 1941 г. Для выравнивания «линии фронта» потребовалось преодолеть «красную черту» (историческую границу СССР), и стратеги НАТО смело пересекли этот рубеж, включив в 2004 г. в сферу своего влияния и командования прибалтийские государства — Эстонию, Латвию и Литву. В том же году в НАТО попросились и были приняты не только стражи дунайской долины Румыния и Болгария, но и Словакия и Словения. В 2009 г. общее количество членов альянса до-

стигло 28 в результате торжественного принятия Албании и Хорватии. И все это произошло после обещания не расширять НАТО в восточном направлении. Американские дипломаты должны были признать: «мы обманули русских» [14]. Правда, в интересах политкорректности им посоветовали использовать другое слово, но обман останется обманом, как его ни назови.

В сентябре 2008 г. в Москву приезжал бывший президент ФРГ Рихард фон Вейцзеккер. Он выступил в Германском историческом институте на большом общественном собрании. В качестве комментатора доклада был приглашен М.С. Горбачев. Пользуясь случаем, автор данной статьи поставил перед бывшим президентом СССР один вопрос: «Что помешало Вам, юристу по профессии, включить в договор об окончательном урегулировании в отношении Германии обязательство западных держав — участников договора не продвигать сферу действия НАТО на Восток?» Ответ был уклончивый: «Ведь тогда еще существовал Варшавский блок, а слову высоких представителей Запада можно было доверять». Тогда возникает другой вопрос: неужели западные политики, выдвигая свое предложение, не знали, что существует Организация Варшавского договора? И кто распорядился о роспуске ОВД? Представляется, что надо было призвать на помощь не только логику, но и здравый смысл.

Последствия поспешного объединения Германии были, к сожалению, неблагоприятными для народов СССР (России). Отдаленными (но по меркам истории — ближайшими) итогами этого исторического события стали роспуск Варшавской оборонительной организации, аннулирование всей системы договоров СССР со странами Восточной Европы, свертывание взаимовыгодных экономических связей, начиная с производства кухонной посуды и заканчивая эксплуатацией атомных электростанций, разрыв культурных связей. Вывод советских войск стимулировал центробежные тенденции в бывших союзных республиках и активизацию в них движений за выход из состава Союза ССР. Пospешное и неупорядоченное провозглашение независимости ряда республик получило дипломатическую поддержку со стороны ФРГ, которая, подписав заключительный акт в Хельсинки, признала не только нерушимость границ государств, но и их территориальную целостность. Правительство ФРГ в числе первых заявляло о признании новых независимых государств, а затем признало Российскую Федерацию «продолжателем» СССР.

Коренное изменение стратегического положения России — правопреемницы Советского Союза — усугублялось фактически односторонним сокращением ее военного потенциала за счет существенного ограничения контингентов вооруженных сил на

Украине, в Белоруссии, Казахстане, на Кавказе и в других республиках, а также в результате уничтожения ракет средней дальности, огромной массы танков, самолетов и других вооружений.

Между тем ФРГ в момент объединения двух германских государств увеличила свой военный потенциал, в том числе за счет вооружений армии ГДР. Оружие советского производства, поставленное в свое время на льготных условиях, оказалось в руках генералов бундесвера. «Трофеи» были весьма весомым арсеналом вооружений: 2300 танков, 9000 бронемашин, 5000 артиллерийских орудий, 700 боевых и транспортных самолетов и вертолетов, в том числе несколько новейших машин МИГ-29, около 200 речных и морских кораблей, 85 000 грузовых автомобилей и прицепов, наконец, 295 000 тонн боеприпасов и 4500 тонн ракетного топлива, но самое существенное — 1 200 000 единиц стрелкового оружия [32]. В общей сложности названное вооружение оценивалось суммой в 90 млрд марок. К этому следует добавить стоимость имущества военных гарнизонов, которое осталось после ухода советских войск и часть которого правительство ФРГ просто передало в другие страны, в том числе, вероятно, в горячие точки. К этому следует добавить, что долги СССР перед ГДР, накопившиеся за годы сотрудничества на торговом балансе, вынуждена была выплачивать Россия. Государственный подход к делу обязывал руководителей в ходе переговоров об окончательном урегулировании иметь в руках красный карандаш и вычеркивать непомерные требования «бывшего вражеского государства».

В одной из бесед с немецкими журналистами в середине 1990-х гг. бывший глава Советского Союза М.С. Горбачев высоко оценил свою деятельность при решении германского вопроса: «Я считаю, что мы развязали этот узел идеально» [21, S. 14]. Для германской стороны это решение, действительно, могло казаться идеальным (хотя отнюдь не все немцы разделяют эту точку зрения). В некоторых средствах массовой информации ФРГ М.С. Горбачев был удостоен звания «лучшего немца года». Надо признать, что правительства западных держав, да и то исключая Великобританию и Францию, были в восторге от способов и темпов решения германской проблемы. Неслучайно они инициировали присуждение М.С. Горбачеву Нобелевской премии мира, а правительство ФРГ сочло, что Э.А. Шеварднадзе достоин премии И. Канта. Но что получили народы Советского Союза, которые понесли наибольшие потери во Второй мировой войне? Изменения стратегической ситуации в Европе имели поистине тектонические масштабы:

1. Отказ от ялтинских и потсдамских соглашений и договоренностей, включая права и ответственность четырех держав за Берлин и Германию в целом, предоставил Германии возможность под-

вести черту под итогами Второй мировой войны без заключения полноценного мирного договора.

2. Роспуск ОВД лишил СССР союзников в Европе, а вывод войск из стран ЦВЕ означал предоставление стратегического пространства в распоряжение другим державам, в том числе Германии.

3. Возникшие в союзных республиках центробежные тенденции привели к неупорядоченному выходу их из состава Союза ССР и расчленению единого политического и экономического пространства.

4. Кардинальное изменение стратегического положения России означало смещение потенциального театра военных действий (ТВД) на 800 км от прежних пределов НАТО.

5. Сокращение военного потенциала России в результате практически одностороннего разоружения, ликвидации ракет средней дальности, огромной массы танков, самолетов, подводных лодок без соответствующего возмещения новой техникой изменило соотношение сил на мировой арене отнюдь не в пользу России.

6. Расширение территории и увеличение экономического потенциала ФРГ дало ей основание для выдвижения претензий глобального характера, таких как пересмотр Устава ООН, получение места постоянного члена Совета Безопасности ООН, участие в решении проблем мировой политики и даже применение вооруженных сил за пределами национальной территории.

Все эти изменения, по нашему мнению, — результат дипломатической активности лично М.С. Горбачева. Серьезных оснований для того, чтобы назвать их успехом, а тем более «идеальным» решением проблемы, у историков, к сожалению, нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахтамзян А.А.* Объединение Германии, или аншлюс ГДР к ФРГ. М., 1994.
2. *Ахтамзян А.А.* Объединение Германии. Обстоятельства и последствия. М., 2010.
3. *Болдин В.И.* Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М., 1995.
4. В Политбюро ЦК КПСС. По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова (1985—1991). М., 2006.
5. *Воробьева Л.М.* Объединение Германии: ретроспективный взгляд на актуальную проблему. М., 1998.
6. Германно-советские договоры. Бонн, б.г.
7. *Горбачев М.* Как это было. Объединение Германии. М., 1999.
8. *Громыко А.А.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. М., 1997.
9. Известия. 01.02.2008.
10. *Квицинский Ю.А.* Время и случай. М., 1999.

11. *Кеворков В.* Тайный канал. М., 1997.
12. Михаил Горбачев и германский вопрос: Сборник документов. 1986—1991 / Предисл. и сост. А. Галкин, А. Черняев. М., 2006.
13. Московский комсомолец. 04.10.2010.
14. Независимая газета. 22.01.1997.
15. *Плато Александр фон.* Объединение Германии — борьба за Европу. М., 2007.
16. Правда. 13.09.1990.
17. Российский Центр хранения современной документации (ЦХСД). Ф. 89. Оп. 8. Д. 77.
18. *Рыжков Н.И.* Трагедия великой страны. М., 2007.
19. *Фалин В.М.* Без скидок на обстоятельства. М., 1999.
20. *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993.
21. Deutschland. 1996. № 5.
22. *Falin V.* Politische Erinnerungen. München, 1993.
23. *Genscher H.D.* Erinnerungen. München, 1997.
24. Geschichte der deutschen Einheit in vier Bänden. Stuttgart, 1998.
25. *Haftendorf H.* Deutsche Aussenpolitik zwischen Selbstbeschränkung und Selbstbehauptung. Stuttgart, 2001.
26. *Kaiser K.* Deutschlands Vereinigung. Die internationalen Aspekte. Bergisch Glfddbach, 1991.
27. *Kwizinskiy J.A.* Vor dem Sturm. Berlin, 1993.
28. *Plato Alexander von.* Die Vereinigung Deutschlands — ein weltpolitisches Machtspiel. Berlin, 2002.
29. *Teltschik H.* 329 Tage. Berlin, 1991.
30. Die Vereinigung Deutschlands im Jahr 1990. Eine Dokumentation. Bonn, 1991.
31. *Weidenfeld W.* Aussenpolitik für die deutsche Einheit. Stuttgart, 1998.
32. Weissbuch der Bundesregierung. 1994.